

Научная статья
УДК 342.7
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-26-34>

Методологический ключ определения критериев предела ограничения конституционных прав

Либанова Светлана Эдуардовна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, libany@rambler.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является предложение модели универсального методологического ключа для определения критериев предела ограничения конституционных прав в нормотворчестве и правоприменении, позволяющего успешно преодолевать возникающие неожиданные катаклизмы, в первую очередь вызванные появлением в нашей жизни пандемии и частичной мобилизации на территории Российской Федерации, требующие быстрого и законного решения. Исходя из корреляции критериев предела ограничения конституционных прав с высшими конституционными ценностями, составляющими культурный код народа России, понятный как правоприменителям, так и правоисполнителям, объединенным не только знанием конституционных базовых (базальных) принципов-гарантий Конституции Российской Федерации: человек как высшая ценность (ст. 2, 17, 18), народовластие (ст. 3; 32), верховенство права (ч. 1. ст. 4, ст. 15), но и прямой обязанностью их соблюдать, автором обосновывается возможность признания именно их универсальным методологическим ключом законотворчества и правоприменения, на основе которого возможна разработка структурированного механизма регулирования таких сложных конституционных правоотношений, как определение критериев предела ограничения конституционных прав.

Ключевые слова: предел, ограничение конституционных прав, критерии предела ограничения конституционных прав, конституционные ценности, правовая культура и культурный код народа России, базовые (базальные) принципы-гарантии Конституции Российской Федерации, методологический ключ

Для цитирования: Либанова С. Э. Методологический ключ определения критериев предела ограничения конституционных прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 26–34. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-26-34>.

Original article

Methodological key to determining the criteria for the limit of restriction of constitutional rights

Svetlana E. Libanova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation, libany@rambler.ru

Abstract. The purpose of this study is to propose a model of a universal methodological key for determining the criteria for limiting constitutional rights in rulemaking and law enforcement, which makes it possible to successfully overcome unexpected cataclysms that arise, primarily caused by the appearance of a pandemic in our lives and partial mobilization on the territory of the Russian Federation, requiring a quick and legal solution. Based on the correlation of the criteria of the limits of restriction of constitutional rights with the highest constitutional values that make up the cultural code of the people of Russia, understandable to both law enforcement and law enforcement officers, united not only by knowledge of the constitutional basic (basal) principles-guarantees of the Constitution of the Russian Federation: man as the highest value (Articles 2, 17, 18), democracy (Article 3, 32), the rule of law (part 1. art. 4, art. 15), but also a direct obligation to comply with them, the author substantiates the possibility of recognizing them as the universal methodological key of lawmaking and law enforcement, on the basis of which it is possible to develop a structured mechanism for regulating such complex constitutional legal relations as determining the criteria for limiting constitutional rights.

© Либанова С. Э., 2023

Keywords: limit, limitations of constitutional rights, criteria for limits of limitations of constitutional rights, constitutional values, legal culture and cultural code of the people of Russia, basic (basal) principles-guarantees of the Constitution of the Russian Federation. methodological key

For citation: Libanova S. E. Methodological key to determining the criteria for the limit of restriction of constitutional rights. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 26–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-26-34>.

12 декабря 2023 года наша страна отметит 30-летие со дня принятия Конституции Российской Федерации, по которой Российское государство живет все эти сложные экономически и политический три десятка лет. Любой юбилей как правило связан с подведением итогов, и конечно 30-летний юбилей Конституции Российской Федерации не является исключением. Более того, обязывает к подведению итогов и сравнению с советским периодом и предыдущей Конституцией СССР, впервые провозгласившей Советский Союз «социалистическим общенародным государством» в отличие от ранее существовавшей характеристики Советского государства в качестве государства рабочих и крестьян, принятой на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года и впоследствии принятой в 1978 году Конституцией Российской Федеративной Социалистической Республики.

По сравнению с ранее действовавшими конституциями РСФСР 1918, 1925 и 1937 годов Конституция РСФСР 1978 года с 1988 года неоднократно подвергалась существенным изменениям и дополнениям и действовала чуть больше 15 лет, из которых 5 лет находилась в режиме постоянного пересмотра ее положений. После разгона Верховного Совета 3–4 октября 1993 года политико-государственные отношения регулировались чрезвычайными указами Президента Российской Федерации. В день официального опубликования 25 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации 1993 года действие Конституции 1978 года было прекращено.

Относительная стабильность и долгосрочность действия «Юбильяриши» (Конституции Российской Федерации 1993 года), несмотря на множество содержащихся в ней противоречий, вызывает уважение и гордость. Более точно, и емко, чем великий ученый-конституционалист В. Т. Кабышев, охарактеризовать действующую Конституцию и отношение к ней сложно: «Конституция РФ 1993 г. есть высшая правовая ценность, она ориентирована на будущее, на прогрессивное развитие общества и государства в целом, носит программно-целевой характер.

Лучше Конституции 1993 года в обозримом времени ничего не предвидится. Будущее России во многом зависит от верности Конституции, умения жить по Конституции» [1, с. 83].

Представляется, что для реализации умения жить по Конституции Российской Федерации 1993 года еще несколько десятилетий необходимо эффективное развитие информированного и юридически грамотного гражданского общества.

Множественные дискуссии по поводу лучшей жизни народа в СССР не являются предметом рассмотрения и не очень уместны в юбилей. С момента принятия Конституции Российской Федерации в 1993 года ведутся научные дискуссии о полноте конституционного регулирования, необходимости внесения поправок, нормативных моделях режимов модернизации и т. д. Представляется концептуально важным тезис о том, что действующую Конституцию требуется исполнять, обеспечив конституционное правоприменение через развитие гражданского общества, способного сохранить конституционные ценности и заставить органы системы публичной власти их обеспечивать в соответствии с принципами и гарантиями, закрепленными в самой Конституции Российской Федерации. Подтверждением этого авторского тезиса является мнение С. В. Кабышева, депутата Государственной Думы, председателя комитета по науке и высшему образованию с 12 октября 2021 года, справедливо утверждающего, что Конституция живет только тогда, когда ее установления реализуются в законодательной, судебной и иной правоприменительной, надзорно-контрольной деятельности, в поведении всех субъектов общественных отношений. Для обеспечения их постоянной правовой защиты Конституцией необходимы такие средства и формы реализации конституционных норм, которые бы исключали возможность их неисполнения, поэтому стоит задача — создать механизм реализации конституционных ценностей, способный работать «автоматически», что является шансом на конституционное спасение отношений [2].

Исследование системы конституционных принципов и гарантий защиты прав человека сегодня требует не углубления в анализ конституционного

закрепления, а выявления конституционных возможностей неизбежности обеспечения их реальной защиты. Приверженность конституционным ценностям играет стабилизирующую роль, поэтому обеспечение их гарантированной реализации должно стать неизбежным. Требуют глубокой проработки методологические, гносеологические и системные подходы к принципам права, в первую очередь к основополагающим принципам Конституции Российской Федерации, способным обеспечить неизбежность реализации конституционно гарантированных прав через конституционно-правовые механизмы конституционализации России. В эпоху разобщенности, раскола ценностей, множественности подходов к определению конституционных ценностей, увеличения разницы в уровне жизни граждан России и иных противоречий и сложностей существования социума, вызванных появлением в нашей жизни в 2020 году пандемии и связанных с ней ограничений конституционных прав, а в 2022 году объявленной 21 сентября Указом Президента Российской Федерации № 647 частичной мобилизации на территории Российской Федерации с запретом выезда с места жительства без разрешения военного комиссара, как неожиданных катаклизм, особую значимость приобретают научные исследования, посвященные поиску механизма определения критериев предела ограничения конституционных прав.

Полагаем возможным рассмотреть критерии предела ограничения конституционных прав в свете вечных конституционных ценностей: справедливость, свобода, равенство, высшая ценность человек, его права и свободы, законность, нравственность, объединяющих органы системы публичной власти и институты гражданского общества, не только понятных, но и жизненно важных для каждого человека не зависимо от его социального статуса и уровня жизни.

Проблемы определения современных ценностей всего общества и способы их обеспечения в эпоху цифровизации и глобальных изменений, все больше интересуют как государство, так и гражданское общество в XXI веке, поэтому требуется их решение путем определения критериев допустимого предела ограничения конституционных прав в рамках требований статьи 55 Конституции Российской Федерации.

Защищаемые ограничениями социальные ценности — основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы человека, оборона страны, безопасность государства (ч. 3 ст. 55 Конституции

Российской Федерации) [3] — нуждаются в конкретизации понимания их содержания для единообразного понимания правотворческими и правоприменительными органами.

Определим критерии предела ограничения конституционных прав через их корреляцию с высшими конституционными ценностями, подлежащими обеспечению со стороны государства на основании базовых принципов-гарантий Конституции Российской Федерации.

Целью настоящего исследования является предложение модели универсального методологического ключа для определения критериев предела ограничения конституционных прав в нормотворчестве и правоприменении, позволяющего успешно преодолевать возникающие катаклизмы, понятного как правоприменителям, так и правоисполнителям, объединенным знанием конституционных базовых (базальных) принципов-гарантий Конституции Российской Федерации: человек как высшая ценность (ст. 2, 17, 18), народовластие (ст. 3, 32), верховенство права (ч. 1. ст. 4, ст. 15) [4].

Реально работающей на основании предлагаемых трех базовых принципов-гарантий Конституции Российской Федерации при определении критериев предела ограничения конституционных прав может стать конституционно-правовая основа, позволяющая сочетать использование экономики и информационного прогресса для обеспечения конституционных ценностей человечества в целом и каждого человека в отдельности, а вводимые государством ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений, коррелирующим конституционным ценностям, в соответствии с предлагаемым автором методологическим ключом определения критериев предела ограничения конституционных прав (далее — МКОКПОКП).

Методологическая база, заложенная в основу статьи, предопределила основные исследовательские подходы — системность и комплексность. Диалектико-материалистический метод познания конституционно-правовой действительности позволил предложить авторский методологический ключ для определения критериев предела ограничения конституционных прав.

Общенаучные методы познания (анализа и синтеза, аналогии и сравнения, логические выводы), а также частно-научные методы (историко-правовой, догматический, сравнительно-правовой, статистический) дали возможность соизмерить точки зрения, теории и взгляды

на существующие юридические проблемы в определении критериев предела ограничения конституционных прав. Характер проблем, выявленных, поставленных и исследуемых автором, обусловил системно-структурный подход к разработке универсального методологического ключа, состоящего из трех базальных принципов-гарантий Конституции Российской Федерации для определения критериев предела ограничения конституционных прав, основанного на обеспечении важнейших конституционных ценностей, понятных всему обществу.

Для аргументированного обоснования заявленного тезиса представляется целесообразным проанализировать следующие категории: предел, ограничение конституционных прав, критерии предела ограничения конституционных прав, конституционные ценности, правовая культура и культурный код народа России, базовые (базальные) принципы-гарантии Конституции Российской Федерации.

Про ограничение конституционных прав и связанных с этим проблем в различных сферах жизнедеятельности написано множество научных трудов. Несмотря на востребованность анализа этого вопроса, особенно в последнее время, пределам ограничения конституционных прав (*the limit of limitation of constitutional rights*) посвящено меньшее количество работ и само определение такого предела носит дискуссионный характер. По-английски это даже звучит как лимит лимитации, поэтому точнее будет определить предел как лимит ограничения, в том числе как лимит доверия в ограничениях между властью и обществом для решения общих целей в экстренных ситуациях без нарушения конституционных прав как человека, так и гражданского общества.

Наибольшую сложность представляет выработка современной наукой критериев определения предела ограничения конституционных прав и тем более структурированного механизма регулирования таких сложных конституционных правоотношений. Автором предпринята робкая попытка моделирования проекта возможного механизма на основе методологии и поиска методологического ключа для эффективного регулирования такого универсального правового явления.

Аристотель в своем труде «Метафизика» впервые дал определение пределу как границе. Согласно его определению «предел — это понятие обозначающее границу каждой вещи, за которой нет ничего, что относилось бы к данной вещи; всякие очертания величины или того, что

имеет величину». Более того, это и цель каждой вещи (таково то, на что направлены движение и действие, но не то, из чего они исходят, хотя иногда это, и то, и другое, то, из чего они исходят, и то, на что они направлены, а именно конечная причина). Более того, по Аристотелю, сущность каждой вещи и суть ее бытия, ибо суть бытия вещи — предел познания вещи; а если предел познания, то и предмета [5; 6].

Но предел как граница и лимит, с точки зрения лингвистики, существенно разнятся во значении и понимании.

Во французской экзистенциальной постгегелевской философии *пределом* называют то, что ограничивает беспредельную активность трансгрессивных состояний [7]. Представляется, что такое восприятие термина «предел» значительно ближе к лимиту лимитированного явления.

Предел потенциально призван предотвратить беспредел, а ограничение должно быть познано, понятно и принято всем обществом, не порождая антагонистические противоречия между гражданским обществом и системой органов государственной власти, обеспечивая конституционное доверие сторон регулирования и исполнения.

Согласно указаниям части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации конституционные ограничения — это установленные в Конституции границы, реализуемые через обязанности, запреты, приостановления и ответственность, в рамках которых субъекты могут использовать свои права и свободы, ограниченные федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [3].

Определяющим признаком этих ограничений является их связь с неблагоприятными условиями, заключающимися в угрозе или лишении определенных ценностей для осуществления собственных интересов индивида или большей части общества. Обязательно наличие лимитационных (особых) условий для применения лимитов и ограничений, которые имеют предел активности уменьшения и ущемления ранее имеющихся и гарантированных прав.

Российские ученые А. В. Малько, Б. С. Эбзев, В. И. Гойман, а также другие исследователи, объясняют феномен правовых ограничений через такие слова, словосочетания, конструкции, как «барьер», «граница», «грань», «дополнительное условие», «изъятие», «исключение

определенных возможностей», «лимит», «мера», «обременение», «преграда», «предел», «препятствие», «рамки», «рубеж», «сдерживание», «стеснение», «сужение объема права», «сужение свободы», «удержание», «уменьшение объема возможностей» пределах [8; 9].

Такое терминологическое разнообразие призвано выразить суть вопроса и главную идею о том, что права и свободы человека могут реализоваться в определенных границах, рамках, лимитах при очень конкретных ситуациях, отличающихся от общепризнанных и ранее доступных, и гарантированных. Но опять же возникает вопрос о степени ограничений и лимита на их увеличение. Противоречия в реальной жизни являются неизбежностью. Проблема кроется в механизме, способном исключать в них (ограничениях) антагонизм посредством понятных всем критериев, базирующихся на действующей Конституции Российской Федерации, принятой всеобщим голосованием. Ограничения служат мерой свободы, у которой есть границы, несмотря на то, что права и свободы человека приоритетны для государства (ст. 2, 17, 18 Конституции Российской Федерации), но они не являются абсолютными и безграничными. Общеизвестно, что право признается мерой свободы, поэтому требуются ограничения, как защиты общества, прав и свобод других лиц от произвола правопользователя. Реализация прав и свобод в общественной жизни неизбежно сталкивается с индивидуальными и публичными интересами. Обеспечение конституционных прав человека и гражданского общества и поиск баланса между властью и обществом требует выработки критериев пределов ограничения.

В Конституции Российской Федерации 1993 года термин «ограничение» применительно к правам и свободам человека и гражданина упоминается неоднократно и зафиксирован в статьях 19, 23, 55, 56, 74, 79, 133 [3]. Возможность ограничений была провозглашена во Всеобщей декларации прав человека 1948 года [10]. Впервые в российском законодательстве положения об условиях ограничения прав и свобод появилась в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 года, часть 2 статьи 2 «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, законных прав и интересов других людей в демократическом обществе» [10]. Только в апреле 1992 года это положение было включено в

статью 33 Конституции РСФСР 1978 года [11]. До этого периода в советских конституциях такое положение закреплено не было, что свидетельствует об особой ценности действующей сегодня Конституции Российской Федерации 1993 года, которой в этом году исполнится 30 лет.

«Более того, наша «Юбилярша» живая. Еще в 2018 году на приеме по случаю празднования Дня российской Конституции Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал: «Текст конституции не содержит пустых деклараций, ее положения действующие, работающие. Однако это не застывшая правовая конструкция, а живой развивающийся организм» [12].

Особой ценностью «Юбилярши» следует признать тот факт, что краеугольную основу всей отечественной правовой системы согласно Конституции Российской Федерации 1993 года составляет принципиально новая, сопрягающаяся с ценностями современной цивилизации парадигма, согласно которой человек, его права и свободы признаются высшей ценностью и, следовательно, обязанностью государства является реализация гарантий по их признанию, соблюдению и защите. Интересы и ценности государства как относительно самостоятельного и самодостаточного института не являются решающими. Таковыми являются только интересы и ценности самого общества, что усиливает важность решаемого вопроса и увеличивает его сложность.

Определяющий критерий — соразмерность конституционным целям, пределов ограничения конституционных прав выделил Конституционный Суд Российской Федерации. По его мнению, ограничение является соразмерным: 1) если оно вызвано исключительно необходимостью защиты социальных ценностей, перечисленных в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, и иными средствами защитить указанные ценности невозможно [13]; 2) если, устанавливая ограничения, государство использует не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционными целями меры, то есть вводимые федеральным законодательством ограничения не должны затрагивать само существо того или иного права и приводить к утрате их реального содержания [14]. Также Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что существует общественная нравственность, нравственность ребенка, конституционно значимые нравственные ценности, общепринятые в российском обществе нравственные ценности; что общественную нравственность необходимо

воспринимать в ее понимании, сложившемся в российском обществе.

Для обеспечения конституционного ограничения прав и свобод должны быть стабильные и устойчивые конституционные основы — принципы Конституции Российской Федерации, позволяющие соблюсти баланс интересов, воплощающие концепцию пределов прав и свобод как индивида, так и общества, не порождающие антагонистических противоречий. Некоторые способы ограничения прав и свобод прямо отражены в Конституции Российской Федерации (ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ст. 25, ч. 2 и ч. 4 ст. 29, ч. 3 ст. 32, ч. 2 ст. 34, ч. 3 ст. 35, ч. 2 ст. 36) [3]. Например, запрет реализации права (временный или постоянный; а также обусловленный местом, временем или способом действия) — временный запрет на выезд за границу в связи с объявленной мобилизацией; вторжение или вмешательство государственно-го органа, лишение права, обязанность, ответственность.

Проблема, требующая решения, заключается в выборе законного и эффективного способа ограничения, не выходящего за предел в конкретной жизненной ситуации, способного предотвратить беспредел и не вызвать раскол общества. Полагаем что юридически основанное на конституционных принципах и гарантиях ограничение будет этому способствовать.

Очевидно, что пределы ограничения права отражают некую грань, за которую нельзя заступить. Пределы можно рассматривать как совокупность сложившихся на основе существующих в обществе социальных ценностей, критериев и ориентиров, очерчивающих границы использования гражданами конституционных прав и свобод, а также осуществления в пределах Конституции Российской Федерации и законов, принятых в соответствии с ее принципами, деятельности органов системы публичной власти.

Цель ограничения прав, как правило, совпадает с представлениями общества о его высших ценностях, нормальном и безопасном функционировании, защита которых обеспечит введение ограничительных мер, позволяющих соблюсти баланс интересов сторон на основе нравственной культуры и культурного кода российского народа.

Правовая культура, относящаяся к третьей сфере и соответствующая осевому принципу развития общества, способна явиться ответом гражданского общества на вызов века, обеспечив его развитие и обобщенность.

Под культурным кодом народов России мы предлагаем понимать непреходящие тысячелетиями жизненные ценности, воплощенные, как правило, в сказках и сказаниях: добро всегда побеждает зло, все тайное становится явным и т. п., служащие истоками народной силы, воспитанием идеалов и духовных ориентиров, патриотизма и гордости за свою родину.

Самобытная культура народа России, русский характер, позволяющий не сдаваться и побеждать в невероятно сложных жизненных условиях, воспитанный практически с рождения полноценной семьей с мамой и папой, а не родителем номер 1 и номер 2, семьей, хранящей родовые традиции, обеспеченные системой государственного образования, дающего фундаментальные, а не клиповые знания, позволяет каждому человеку и гражданину выработать в себе силу духа и привиться культурным кодом нации.

Исходим из преюдиции о том, что конституционные ценности потенциально содержат в себе культурный код народа России и важны для всего народа, включая представителей власти.

На основании вышеизложенного предлагаем следующее определение ограничения прав и свобод человека и гражданина — это ограниченное базовыми принципами-гарантиями Конституции Российской Федерации, отраженное правовыми актами, принятыми компетентными органами для достижения законной цели, необходимое и соразмерное умаление прав гражданина и его свобод (установление пределов юридически дозволенного поведения, полный запрет определенных действий), обусловленное необходимостью защиты охраняемых общественных интересов как высших ценностей всего общества, основанных на нравственно-культурном коде российского народа.

Стратегически ограничение прав человека обусловлено необходимостью защиты конституционных ценностей и призвано обеспечить баланс между интересами личности, государства и общества. При реализации ограничения государством должны применяться меры, не приводящие к большему ограничению прав, чем это необходимо для достижения цели, с которой вводится ограничение, что реально возможно именно при помощи предлагаемого нами в данной статье МКОКПОКП.

Полагаем целесообразность использования этого методологического универсального ключа правоприменения, состоящего из конституционных базовых (базальных) принципов-гарантий Конституции Российской Федерации: человек как высшая ценность (ст. 2, 17, 18),

народовластие (ст. 3, 32), верховенство права (ч. 1 ст. 4, ст. 15). Более того, все принципы и гарантии, составляющие этот ключ, напрямую зафиксированы высшем нормативным правовым актом уже 30 лет.

Неэффективность правоприменения конституционных принципов и гарантий, принципов и гарантий самой Конституции Российской Федерации, позволяет автору аргументировать необходимость введения принципиально новой понятийной категории «базовых принципов-гарантий Конституции РФ» как организационно-правовой основы интегрирования институциональных систем государства и гражданского общества при обеспечении неизбежности гарантирования конституционных прав и определении критериев пределов их ограничения. Так, 48 статей «Юбилярши» (Конституции Российской Федерации 1993 года) посвящены определению основных прав и свобод человека и гражданина, принципу их нерушимости. Они закрепляют задачу государственных и муниципальных органов и должностных лиц по обеспечению их защиты, особенно в условиях модернизации российского общества и глобализации современного мира. Признавая Конституцию Российской Федерации юридически узаконенным балансом интересов всех социальных групп общества и юридическим выражением социальной солидарности [15, с. 72], полагаем возможным обеспечить конституционное правоприменение (обеспечение реализации конституционных ценностей), руководствуясь тремя базовыми (базальными) принципами-гарантиями закрепленными в высшем законе Российской Федерации: человек как высшая ценность (ст. 2, 17, 18), народовластие (ст. 3, 32), верховенство права (ч. 1 ст. 4, ст. 15), представляющими универсальный методологический ключ конституционного нормотворчества и правоприменения, предлагаемый нами в качестве универсального методологического ключа определения критериев предела ограничения конституционных прав.

Отдельные принципы, закрепленные в Конституции Российской Федерации, могут эффективно реализоваться только в единстве с однопорядковыми, по сути конституционными гарантиями. Это позволяет объединить их в единую доктринальную категорию — «принцип-гарантия Конституции РФ».

Именно принципы конституционного права лежат в основе конституционно-правового обеспечения конституционных гарантий. «Эти принципы, — как указано в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации

от 27 января 1993 года, — обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права». Принципы имеют объективный характер, они обусловлены природой и обществом.

Понятие принципов рассматривается учеными как специфичный универсальный методологический ключ к решению той или иной научной задачи. Тесная взаимосвязь принципов и гарантий Конституции Российской Федерации прослеживается в статье 18 [3], отражающей принцип гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей, имеющий генетическую связь с международно-правовым принципом уважения прав человека и его основных свобод, выраженным во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году [16, с. 8, с. 69; 17; 18; 19, с. 91].

Исходя из изученных и проанализированных автором научных определений категории «гарантии» [20], полагаем возможным дать авторское комплексное определение гарантий, как правовых средств и способов обеспечения реализации прав и исполнения обязанностей, используемых в деятельности институциональных систем общества в целом, состоящего из институтов гражданского общества и органов системы публичной власти, соответствующих конституционным принципам, обусловленных закономерностями политического строя, состоянием экономической и правовой систем. Именно в таком понимании они используются нами, с учетом специфики гарантий, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, выделенных из всех остальных правовых гарантий.

Исследование системы принципов права, в первую очередь основополагающих конституционных принципов и корреспондирующих им конституционных гарантий сегодня требует не углубления в анализ нормативного (конституционного) закрепления, а выявления возможностей неизбежности обеспечения их реальной защиты, в первую очередь, как с позиции теории, так и правоприменительной практики. Приверженность конституционным ценностям,

позволяющим осуществить поиск конституционного критерия пределов ограничения конституционных прав, играет стабилизирующую роль, поэтому их обеспечение должно стать неизбежным.

Термин «обеспечение» отличается от термина «гарантирование» степенью и качеством деятельности, исходя из лингвистического смысла.

Лингвистический подход свидетельствует о том, что введение термина «обеспечение гарантирования» конституционных прав человека в правоприменение может сделать его неизбежным при наличии четких обязанностей правоприменителей, в первую очередь государственных служащих, при наличии неизбежности их ответственности за нарушения и ущемления этих прав.

Критерии пределов ограничения конституционных прав прямо коррелируют с высшими конституционными ценностями, составляющими культурный код народа России и могут быть обеспечены органами системы публичной власти. Авторский МКОКПОКП позволяет разработать структурированный механизм регулирования этих сложных, но значимо-актуальных именно сегодня, конституционных правоотношений, в первую очередь, вызванных появлением в нашей жизни пандемии и частичной мобилизации на территории Российской Федерации, как неожиданных катаклизмов, требующих быстрого и законного решения.

Список источников

1. Кабышев В. Т. 25 лет Конституции Российской Федерации: итоги конституционного диалога Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127).
2. Кабышев С. В. Диалог в конституционной системе власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 40–47.
3. Конституция РФ. Актуальное законодательство. Москва: Эксмо, 2020. 96 с.
4. Либанова С. Э. Демократия: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. 256 с.
5. Аристотель. Метафизика / пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого (1934). Сочинения в 4-х томах. Т. 1. Москва: «Мысль», 1976 (Философское наследие, т. 65).
6. Никулин Д. В. Предел и беспредельное / История философии. Запад-Россия-Восток. Кн. 1. Философия древности и средневековья. Москва: Греко-латинский кабинет, 1995. С. 207–209.
7. Подорога В. А. ТРАНСГРЕССИЯ И ПРЕДЕЛ // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. Москва: Мысль, 2010.

8. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2013.

9. Гойман В. И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: материалы «круглого стола» журнала «Государство и право» // Государство и право. 1998. № 7. С. 20–42.

10. Всеобщая декларация прав человека 1948 года: принята Верховным Советом РСФСР 22 января 1991 года. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (дата обращения: 15.08.2023).

11. Декларация прав и свобод человека и гражданина: принята Верховным Советом РСФСР 22 января 1991 года. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (дата обращения: 15.08.2023).

12. Конституция РСФСР 1978 года. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (дата обращения: 15.08.2023).

13. Российская газета. 2018. № 12.

14. По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебренникова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 7, ст. 701.

15. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 года № 15-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 44, ст. 4358.

16. Зорькин В. Д. Россия и ее Конституция // Журнал российского права. 2003. № 11.

17. Невинский В.В. Конституция Российской Федерации: обновление ценностных ориентиров и проблемы их адаптации.

18. Конституционное право России: учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. Москва, 2003.

19. Эбзеев Б. С. Сущность Конституции Российской Федерации // Конституция и законодательство: сборник статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2004.

20. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (дата обращения: 15.08.2023).

References

1. Kabyshev V. T. 25 years of the Constitution of the Russian Federation: results of the constitutional dia-

- logue. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2019, no. 2 (127). (In Russ.)
2. Kabyshev S. V. Dialogue in the constitutional system of power. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2018, no. 6 (125), pp. 40–47. (In Russ.)
3. Constitution of the Russian Federation. Current legislation. Moscow: Eksmo Publ., 2020. 96 p. (In Russ.)
4. Libanova S. E. Demokuria: monograph. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2014. 256 p. (In Russ.)
5. Aristotle. *Metaphysics* / trans. from Ancient greek by A. V. Kubitsky (1934). Works in 4 volumes. Vol. 1. Moscow: "Thought" Publ., 1976 (Philosophical Heritage, vol. 65). (In Russ.)
6. Nikulin D. V. Limit and the infinite / History of philosophy. West-Russia-East. Book one. Philosophy of antiquity and the Middle Ages. Moscow: Greco-Latin Cabinet Publ., 1995. Pp. 207–209. (In Russ.)
7. Podoroga V. A. TRANSGRESSION AND LIMIT. *New philosophical encyclopaedia*. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Mysl Publ., 2010. (In Russ.)
8. Ebzeev B. S. Man, people, state in the constitutional structure of the Russian Federation: monograph. 2nd ed., revised. and add. Moscow: Prospekt Publ., 2013. (In Russ.)
9. Goiman V. I. Principles, limits, grounds for limiting human rights and freedoms under Russian legislation and international law: materials of the "round table" of the magazine "State and Law". *State and Law*, 1998, no. 7, pp. 20–42. (In Russ.)
10. Universal Declaration of Human Rights 1948: adopted by the Supreme Council of the RSFSR of January 22, 1991. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (accessed 15.08.2023). (In Russ.)
11. Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen: adopted by the Supreme Council of the RSFSR of January 22, 1991. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (accessed 15.08.2023). (In Russ.)
12. Constitution of the RSFSR 1978. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (accessed 15.08.2023). (In Russ.)
13. *Russian newspaper*, 2018, no. 12. (In Russ.)
14. In the case of checking the constitutionality of clause 5, part 2, art. 371, part 3 art. 374 and paragraph 4, part 2, art. 384 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with complaints from citizens K. M. Kulnev, V. S. Laluev, Yu. V. Lukashov and I. P. Serebrennikov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 4-P of February 2, 1996. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 7, art. 701. (In Russ.)
15. In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" in connection with a request from a group of deputies of the State Duma and complaints from citizens S. A. Buntman, K. A. Katanyan and K. S. Rozhkova: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 15-P of October 30, 2003. *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, no. 44, art. 4358. (In Russ.)
16. Zorkin V. D. Russia and its Constitution. *Journal of Russian Law*, 2003, no. 11. (In Russ.)
17. Nevinsky V. V. Constitution of the Russian Federation: renewal of value guidelines and problems of their adaptation. (In Russ.)
18. Constitutional law of Russia: textbook / rep. ed. by A. N. Kokotov, M. I. Kukushkin. Moscow, 2003. (In Russ.)
19. Ebzeev B. S. The essence of the Constitution of the Russian Federation // Constitution and legislation: collection of articles based on materials from the international. scientific-practical conf. Moscow, 2004. (In Russ.)
20. Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly in 1948. URL: <https://base.garant.ru/183126/> (accessed 15.08.2023). (In Russ.)

Информация об авторе

С. Э. Либанова — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

S. E. Libanova — Doctor of Sciences (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.